

МАГИЧЕСКИЕ **РОМАНЫ**

Читайте цикл «ЛОЖНЫЕ БОГИ»:

НЕВЕСТА
СМЕРТИ

ПРИШЕДШАЯ
С ТУМАНОМ

ИЗБРАННАЯ
СТРАЖЕМ

Лена ОБУХОВА

НЕВЕСТА СМЕРТИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*
Иллюстрация на обложке *Натальи Афанасьевой*
Оформление серии *Александра Андреева*

Обухова, Елена Александровна.
О-26 Невеста Смерти / Лена Обухова. — Москва : Эксмо,
2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-202228-9

Его называли Смертью на службе Его Величества, а теперь он последний жрец самого страшного из Четырех Богов. Он дальний родственник короля, самый влиятельный человек в Северных землях. И он похоронил уже двух жен, а мне предстоит стать третьей. Отказаться невозможно, ведь я уже надела диадему послушания и обязана исполнить волю отца.

Мой жених пугает меня до дрожи, да и умирать, как мои предшественницы, я не хочу, а потому постараюсь найти выход. Но в чужом мрачном замке так трудно понять, кто твой друг, кто враг, а кто – судьба.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202228-9

© Обухова Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Впервые я увидела ее в зеркале, когда стояла перед ним в будущем подвенечном платье, замерев подобно статуе. Швея и ее помощница подкалывали булавками пока еще разрозненные куски ткани, а мои мысли в тот момент уплывали куда-то далеко. Я грезила о безмятежном будущем рядом с любимым человеком, поэтому, хоть и смотрела на собственное отражение, в действительности не видела его.

Тогда-то в большом зеркале в полный рост на несколько секунд появилась она. Девушка — во всем моя противоположность. Бледное, как будто бескровное лицо, на котором выделялись большие карие глаза и темные круги под ними, длинные темные волосы, в беспорядке падавшие на плечи, черное платье с пышной юбкой. А ведь я в тот момент стояла перед зеркалом в белом, как у всех невест, пусть еще и незаконченном платье. Мою кожу всегда покрывал легкий загар, свойственный жителям Южных земель. Да и волосы у меня были светлыми, заметно выгоревшими на солнце, а глаза — серо-голубыми.

Видение появилось так внезапно и посмотрело на меня так пронзительно, что я резко втянула носом воздух, непроизвольно дернулась. И тут же вскрикнула от боли, поскольку помощница швеи — еще совсем юная девица с круглым лицом и довольно пустым взглядом — неосторожно ткнула меня острой булавкой.

— О, простите, госпожа! — она испуганно прижала руки ко рту и виновато посмотрела сначала на меня, а потом на свою нанимательницу — женщину в годах, шившую мне платья всю мою жизнь, начиная с того, в котором меня благословляла Богиня.

Та тут же недовольно нахмурилась, отчего ее лоб изрезали глубокие морщины. Взгляд ее не обещал юной помощнице ничего хорошего, поэтому я поторопилась заверить обеих:

— Нет, ничего страшного. Я сама виновата, не стоило так резко шевелиться.

Я натянута улыбнулась и швее, и ее помощнице, хотя то место, куда меня ткнула булавка, до сих пор горело огнем, а сердце бешено колотилось от пережитого испуга. С болью мне удалось разобраться быстро: стоило приложить ладонь к боку прямо поверх платья — и остальное моя природа сделала сама.

Снова посмотрев в зеркало, я обнаружила, что в нем теперь отражаю только я. Это помогло немного унять сердцебиение, но неприятное предчувствие лишь разрослось в груди. Я не понимала, откуда в обычном — не зачарованном! — зеркале могла взяться какая-то незнакомка, и это нервировало.

— Жаль, что вы не можете так же быстро и легко удалить пятно, — вздохнула швея, которая сразу поняла, что именно я сделала, приложив к больному месту ладонь.

Я посмотрела на платье: на белой ткани отчетливо виднелось пятнышко крови. Небольшое, но заметное.

Да, почему-то выводить пятна моя магия не умеет, о чем я и сама порой жалею.

— Снимайте его, Нея, — велела швея. — Думаю, если заняться пятном прямо сейчас, то следа не останется.

— Ох, не к добру это, — пробормотала молодая помощница, пока они обе помогали мне снять ненадежную

конструкцию из соединенных булавками лоскутов. — Говорят, кровь на подвенечном платье — это к беде.

— Да помолчи ты, — шикнула на нее швея. — Не мели языком, так беду и то проще накликать.

Я сделала вид, что не услышала их болтовни. Дочери жреца Богини Виты не пристало обсуждать деревенские суеверия. Я в них и не верила никогда, но в тот день мои убеждения подверглись серьезному испытанию.

Не прошло и получаса после того, как швеи удалились, заверив, что к следующей примерке пятно будет выведено, а меня уже вызвал к себе отец. В самом этом факте не было ничего страшного, но когда я вошла в его кабинет и увидела выражение лица, то сразу подумала и про таинственную бледную незнакомку в черном, померещившуюся мне в зеркале, и про пятно крови на белоснежной ткани.

Мой отец — добрейший человек, который всю жизнь холил, лелеял и баловал меня. С самого рождения я была его любимицей, его принцессой. Даже мама — да будет Богиня добра к ней в своем чертоге — старалась вести себя со мной строже. Возможно, именно благодаря ей я не выросла капризной и избалованной... По крайней мере, мне так кажется.

На моей памяти отец лишь однажды посмотрел на меня с недовольством, граничащим со злостью. Примерно год назад, когда я ворвалась к нему в кабинет без приглашения и без стука, чтобы похвастаться... то ли новым платьем, то ли украшением. Он в тот момент сидел на небольшом диванчике у окна и читал письмо. Перед ним стояла открытая шкатулка со стопкой других писем, и, видимо, их содержание его не радовало. Тогда он резко захлопнул шкатулку и спрятал письмо в складках простой белой мантии, которую носили жрецы его уровня. И посмотрел на меня этим взглядом, от которого мне захотелось сжаться в комок и убежать подальше.

Он потом быстро отошел и даже попросил прощения за то, что напугал меня, но тот случай я запомнила. И старалась больше не врываться в его кабинет. Даже сейчас постучалась и дождалась разрешения войти, хоть он и ждал меня.

Но как только я переступила порог, меня обдало холодом и сердце почти замерло в груди от неприятного воспоминания. Отец сидел на том же диванчике, держал в руках лист бумаги, а когда я вошла, поднял на меня почти такой же взгляд.

Слова застряли в горле, а по спине пробежала волна неприятных мурашек, но взгляд отца уже смягчился и из недовольного стал виноватым. Всего через пару минут причины таких метаморфоз стали мне понятны.

— Но это невозможно! — в ужасе воскликнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это должно быть шуткой. Просто обязано быть шуткой! — Я помолвлена. У меня свадьба через месяц. Как может кто-то сейчас просить моей руки?

— Помолвка — это не брак, — возразил отец с тяжелым вздохом. — В этом случае она тебя не защитит.

— Так ведь ему же еще полгода носить траур. Как минимум. К тому моменту я буду замужем.

Отец сокрушенно покачал головой.

— Нея, он *уже* попросил твоей руки. Я должен ответить сейчас. Он верховный жрец Некроса, Нея. Глава последнего Дома, поклоняющегося Богу Смерти. А я всего лишь младший жрец. Я не могу отказать ему, понимаешь?

Я не понимала. Не хотела понимать. С тех пор как я повзрослела и вопрос замужества начал меня волновать, отец твердил мне, что никогда не станет меня ни к чему принуждать. Что я буду сама выбирать себе мужа. И я выбрала. Выбрала сердцем. Мне повезло получить в ответ взаимность, и последние несколько меся-

цев я готовилась к свадьбе, была счастлива и фантазировала о том, какой будет моя жизнь. Представляла себя женой, придумывала имена детям...

И вот теперь все рушилось из-за того, что верховный жрец Некроса, который едва ли видел меня хотя бы раз в жизни, который женился чуть больше месяца назад и потом внезапно похоронил молодую супругу спустя всего четыре недели, вдруг решил, что я должна стать его следующей женой. Это было дико и не укладывалось у меня в голове.

— Папа, откажи ему, — мой голос прозвучал жалобно, умоляюще, но сейчас мне не было за это стыдно. Я вцепилась в руку отца и просительно заглянула в глаза. — Он старый и страшный. И дважды вдовец. А я люблю Роана, я должна стать *его* женой.

Отец высвободил руку и сжал мои плечи. На его лице все еще было написано сочувствие, но по его глазам я видела, что он уже все решил.

— Я не могу ему отказать, — повторил он. — Тебе придется выйти за него. Я не могу отказать Торрену Фолкнору только потому, что уже обещал тебя какому-то военному. Он оскорбится. Проклянет наш Дом: меня, тебя, твоего брата, твоего жениха, всех приближенных к нам, включая слуг. И ты можешь догадаться, что проклятие будет смертельным. Никто нас не защитит и не призовет его к ответу. Он родственник короля, он был его карающей дланью. Десятки людей могут погибнуть, если мы ему откажем.

С каждым его словом меня все больше сковывал холод и охватывало отчаяние. Часть меня понимала, что он прав: если мы обидим Фолкнора, он погубит всех, кто с нами связан.

— Но если ты ему не откажешь, погибну я, — дрожащим голосом озвучила я доводы другой моей части.

Отец долго смотрел мне в глаза, в его взгляде читались тоска и боль, и на мгновение надежда затеплилась

у меня в груди. Однако секунду спустя он коснулся губами моего лба и тихо прошептал:

— Прости меня.

У меня перехватило горло, показалось, что я задыхаюсь. Злые слова, которые я ни разу не позволяла себе в адрес отца, жгли язык. Чтобы не дать им волю, я вырвалась из его объятий и бросилась бежать, не разбирая дороги от застилающих глаза слез.

Опомнилась и остановилась лишь у дверей зала обрядов. Вообще-то я не имела права туда входить без жреца — то есть без отца, но сейчас мне было все равно, даже если меня поймают. Меня только что фактически приговорили то ли к смерти, то ли к пытке длиною в жизнь. Что еще мне могли сделать?

Я дернула на себя тяжелую дверь, и она послушно отворилась. Может быть, я не могла распоряжаться собственной судьбой, но в моих жилах текла кровь жрецов, и я владела Силой, пусть и небольшой.

В зале обрядов было темно: ламп и окон здесь никогда не имелось, а свечи сейчас не горели. Их зажигали только во время церемоний и ритуалов. Я оставила дверь открытой, чтобы свет из коридора немного рассеивал темноту.

То, что я искала, находилось в противоположном конце небольшого зала. Зеркало. Не обычное, вроде того, что стояло у меня в спальне, а зачарованное магией жрецов Четырех Богов. Его раму украшали символы древнего алфавита — основы языка Богов, на котором сейчас уже никто не говорил. Лишь жрецы могли прочесть его и понять. Я не могла, я не была этому обучена, но мне это и не требовалось.

Я коснулась раскрытой ладонью поверхности зеркала, вкладывая всю свою небольшую Силу в заклинание. Одно из немногих, которые я знала. Я хотела увидеть того, кто одним росчерком пера сломал мне жизнь.

Конечно, это было глупо: верховный жрец закрывался от наблюдения щитами. Но даже если я не могла посмотреть на него в реальном времени, то могла заглянуть в прошлое. Связанное со мной прошлое. Год назад я первый и последний раз в жизни была в королевском дворце на большом праздничном балу в честь короля. Жрецы всех Четырех Богов на нем присутствовали. Наверняка был и он, пусть я на него тогда и не обратила внимания.

В этот раз зеркало без труда откликнулось на мою просьбу и показало мне того, кого я искала. Зря я думала, что мне от этого станет легче. Стало только хуже.

Он был стар. Не как отец, конечно, но все равно минимум вдвое старше меня. Я не назвала бы его лицо уродливым, но и красивым оно точно не было. Оно было бледным, мрачным, угрюмым и... опасным. Может ли у человека быть опасное лицо? Наверное, может, если его выражение выглядит столь угрожающе. Светло-голубые глаза, странно сочетавшиеся с длинными черными волосами, смотрели на мир с неприязнью. Торрен Фолкнор был высок и, вероятно, хорошо сложен, держался, как и следовало жрецу его уровня, с достоинством, граничащим с высокомерием. Черная парадная мантия, расшитая серебряными узорами, скрывала фигуру, но в моем новом женихе чувствовалась сила. Меня это совсем не радовало, скорее пугало.

Даже больше, чем верховный жрец, мое внимание привлекла его спутница. На ней тоже было черное платье. Я слышала, что в Северных землях, где правили жрецы Некроса, черный вообще был популярен. Выглядела она такой же бледной и измученной, как девушка из моего видения. Я не была уверена, что видела именно ее: не успела разглядеть и запомнить черты лица, но общий образ был пугающе похож.

Может, сегодня во время примерки теперь уже ненужного мне подвенечного платья я на мгновение увидела собственное будущее? Мое лицо побледнеет, волосы потемнеют, а потом я и вовсе последую в чертог Виты?

Мои ноги подкосились, и я осела на холодный каменный пол, закрыв лицо руками и стараясь дышать, хотя что-то тяжелое с такой силой давило мне на грудь, что воздух не мог пробраться в легкие.

Богиня, за что мне это? И что же мне теперь делать?

Я молила Виту о знаке, о подсказке, о помощи. И неожиданно она откликнулась.

Глава 2

Я услышала за спиной шаги, но не попыталась встать, даже не пошевелилась. Мне было все равно, кто застал меня здесь. Я ждала оклика, отповеди и приказа покинуть священное место, но человек молча дошел до первых рядов скамеек, на которых сидели свидетели во время обрядов, и сел на одну из них.

Я шмыгнула носом — в тишине зала звук эхом отразился от стен, получилось неожиданно громко, промокнула глаза подолом платья и обернулась. Хотя я и убеждала себя, что мне плевать, кто застал меня в столь неподобающем виде в запретном месте, я все-таки облегченно выдохнула, обнаружив на ближайшей ко мне скамейке Розу.

Роза — моя компаньонка. Так официально зовется ее место в нашем доме. Ее приставили ко мне еще в мои четырнадцать, чтобы она сопровождала меня всюду. Отчасти она служила мне телохранителем, отчасти наставницей в тех вопросах, с которыми я не могла обратиться ни к отцу, ни к брату. Я воспринимала ее как старшую подругу: Роза была почти на десять лет старше меня, но она всегда держала со мной почтительную дистанцию. Кроме таких вот случаев, когда я оказывалась в полной растерянности и отчаянии. Хотя за все время нашего знакомства это случилось от силы третий раз.

— Кого хороним? — насмешливо поинтересовалась она, скрестив руки на груди и довольно фривольно положив одну ногу на другую. Она могла себе это позволить, поскольку ходила в штанах и свободной рубашке, а не в платье, как я.

— Меня, — призналась я тихо и бросила быстрый взгляд на зеркало. К счастью, оно погасло, стоило мне потерять концентрацию, и теперь отражало только погруженный в темноту зал.

— Если ты и дальше будешь сидеть на каменном полу, то до этого точно дойдет.

Ее ворчливый тон заставил меня улыбнуться и подняться. Ноги в тонких чулках действительно уже начали неприятно стыть от соприкосновения с холодным камнем. Я села на скамейку рядом с Розой, горестно вздохнув.

— Так что случилось? — поинтересовалась она. — Я видела, как ты выбежала из кабинета отца, словно за тобой гонятся сумрачные.

— Он выдает меня замуж.

Роза немного помолчала, как будто ждала продолжения. Я чувствовала на себе ее взгляд, но сама смотрела только на собственные руки, нервно ломая пальцы.

— До сего момента я была уверена, что это хорошая новость.

— Это было хорошей новостью, пока он выдавал меня за Роана, — кивнула я. — А теперь я должна выйти замуж за Торрена Фолкнора.

— Верховного жреца Некроса? — уточнила Роза, и по ее тону чувствовалось, что она хмурится.

— Да.

— Неожиданно.

— А представь, каково мне! — воскликнула я и посмотрела на нее... наверное, с мольбой, словно она могла что-то с этим сделать.

— А ты за него не хочешь? — невинно вздернув брови, уточнила Роза. Я чуть не стукнула ее, но сдержалась. Такое поведение неприемлемо для дочери жреца.

— Конечно, нет! — я позволила себе только выразительный взгляд.

— Откажись, — невозмутимо предложила она, пожав плечами. Мой взгляд не произвел на нее никакого впечатления.

Если бы это было так просто!

— Таким людям, как он, не отказывают, — я покачала головой. — Да и не могу я, отец велит. Я не могу ему перечить. Ты же знаешь, я выбрала диадему.

С этими словами я отчасти машинально, отчасти демонстративно коснулась маленькой диадемы, украшавшей мою прическу.

— И не говори, что два года назад я не отговаривала тебя, — фыркнула Роза, посмотрев на нее.

Я и не собиралась. В наших землях девушке в шестнадцать лет давали выбор: остаться под крылом отца и братьев, перейдя потом под покровительство мужа, или выбрать независимость. За первое мы платили абсолютным послушанием, получая взамен пожизненное обеспечение. Все заботы о нашем комфорте брали на себя мужчины. Независимость давала возможность принимать собственные решения, распоряжаться своей судьбой, но за это девушка платила полной ответственностью за себя и свою жизнь. То, что в первом случае должно было стать приданым, моментально отдавалось в ее распоряжение. Эти средства можно было потратить на образование, аренду жилья или открытие собственного дела. Немногие, правда, решались на это в шестнадцать лет.

На церемонии нам подавали два подноса, символизовавших выбор. На одном лежала диадема, на другом — острые ножницы. Если девушка выбирала покровительство мужчин, она надевала диадему и с тех пор

носила ее всегда и везде, чтобы мужчины видели: она будет послушной женой. Если же девушка предпочитала стать хозяйкой самой себе, она распускала волосы и отрезала их. Под корень или лишь наполовину длины — значения не имело. В дальнейшем такая девушка могла стричься или совсем коротко, или носить волосы до плеч. Те, кто выбрал диадему, обычно носили волосы длиннее: до лопаток и ниже.

Сама Роза была пострижена почти как мужчина. Она никогда не говорила мне, почему сделала этот выбор, но когда я собиралась надеть диадему послушания, действительно пыталась меня отговорить. Я не воспринимала ее слова всерьез. У меня был добрейший отец, лучший в мире брат, и я уже любила Роана и ловила на себе его ответные нежные взгляды.

— Как я могла знать тогда, что все так обернется? — пробормотала я, снова чувствуя, как перехватывает горло. — Все должно было быть иначе.

— Отказываясь от права решать за себя, стоит думать о худшем.

И не поспоришь. Но сейчас эта мудрость выглядела запоздавшей, а я искала ответ здесь и сейчас. Наверное, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Роза внезапно предложила:

— Раз ты разочаровалась в диадеме, может быть, настало время ее снять?

Я резко повернулась к ней, глядя одновременно с надеждой и недоверием. Я никогда не интересовалась деталями традиции выбора, практически с самого детства планируя сделать его в пользу послушания.

— А можно?

— До того момента, как тебе стукнет двадцать, у тебя есть такая возможность, — кивнула Роза. — Правда, для этого надо кем-то стать.

— Кем?

Она пожала плечами и развела руками.

— Признанным мастером какого-то дела. Получить научную степень или специальность. В этом случае ты сможешь отказаться от прежнего выбора.

Я разочарованно фыркнула и откинулась на спинку скамейки. Нет, я была обречена, поскольку ничего не умела. Меня, конечно, учили определенным вещам. Читать, писать, считать, говорить на языках соседних государств, танцевать, ухаживать за собой, выбирать одежду, делать макияж и прически. Я даже умела готовить и шить, выращивать цветы и управляться с хозяйственными аппаратами-помощниками. А прежний папин шофер даже пытался научить меня водить автомобиль и уверял, что у меня хорошо получается. Однако все это не могло мне помочь. Это делало меня желанной гостьей в домах людей моего круга, готовило для жизни в качестве жены офицера королевской гвардии, но едва ли могло считаться достаточным обоснованием для снятия диадемы.

— На все это нужно учиться, — возразила я. — А у меня нет времени.

— Я слышала, Фолкнор недавно овдовел. Опять. Разве он не должен соблюдать траур весь следующий год, прежде чем сможет снова жениться?

— Он имеет возможность ограничиться половиной этого срока.

— Что тоже немало.

— Полгода? — я посмотрела на нее как на сумасшедшую. — Чему я могу научиться за такой срок?

— Магии, — заявила Роза с таким выражением, словно я не понимала очевидных вещей. — Нея, ты дочь жреца, у тебя есть Сила, а значит, есть фора! При желании и хороших наставниках ты сможешь подготовиться к экзамену и за полгода.

— Где я возьму наставников? — Я вскочила с места, потому что больше не могла сидеть. Мысли металась в голове в поисках решения, но натыкались на беско-

нечные возражения рассудка. — Отец сразу поймет, откуда такая внезапная тяга к знаниям. И не позволит.

Роза замолчала насупившись, а я почувствовала, как вострепнувшаяся надежда снова медленно умирает. Однако через пару минут сосредоточенного молчания моя компаньонка озвучила новую идею. Еще более безумную.

— Я однажды слышала... примерно год или чуть больше назад, как твои отец и брат обсуждали то, что Фолкнор обучает магии талантливых молодых людей. При его Доме существует что-то вроде... школы.

Я перестала метаться, замерла напротив нее и посмотрела с недоумением.

— И что?

— Твой новый жених едва ли так хорошо разбирается в наших традициях, — Роза пожала плечами. — Напиши ему. Скажи, что хочешь до брака хотя бы немного узнать его. А чтобы соблюсти приличия, готова стать ученицей.

Я растерянно моргнула.

— Ты издеваешься? У меня осталось полгода терпимой жизни, а ты хочешь, чтобы я от этого отказалась? И сама сунулась в его логово?

Роза тоже поднялась, наши лица оказались на одном уровне, и я тут же испуганно сжалась. Когда она так смотрела на меня, я всегда пугалась.

— Если ты хочешь вернуть себе право решать за себя, то должна научиться принимать трудные решения. А не просто ждать у моря погоды. Да, ради свободы приходится рисковать. И иногда прыгать через пропасть, точно не зная, где у нее другая сторона и есть ли она вообще. Это трудно, это страшно, но порой необходимо. Ты можешь сидеть тут полгода и лить слезы, жалеть и хороня себя. А можешь шагнуть навстречу страху и попытаться что-то изменить. Выучиться на магистра или выяснить, с чего вдруг Фолкнор решил на тебе же-

ниться, заставить его передумать. Или просто настолько разочаровать его, что он сам от тебя откажется. Ну или... узнать его поближе и решить, что не так страшен сумрачный, как его малюют.

Судя по ее усмешке, мое лицо заметно перекошило. Но ее слова достигли цели. Для себя я признала, что моя компаньонка права: просто сидя дома и страдая, я ничего не изменю. Даже если я решу учиться тайком здесь, это не решит проблему с возможной обидой Фолкнора на отказ. А если мы начнем общаться, он, может быть, действительно передумает. Или мне удастся убедить его отказаться от этой затеи. Или хотя бы дольше носить траур.

Или я найду доказательства того, что две его предыдущие жены так быстро сошли в могилу с его помощью. Может быть, от смертельного проклятия король нас не защитит, но покрывать убийцу ни в чем не повинных женщин не станет.

На месте я вполне могла придумать что-то еще. Главное — не сидеть сложа руки!

— Вот теперь это моя девочка, — хмыкнула Роза, разглядывая меня. Наверное, мое лицо опять изменилось.

Я постаралась улыбнуться. Теперь дело было за малым: мне всего лишь нужно обмануть верховного жреца и убедить Роана в том, что мое желание поехать в Фолкнор — не предательство наших чувств.

Глава 3

Сначала я решила заняться письмом Фолкнору. Во-первых, я подозревала, что это будет небыстро и не просто, во-вторых, боялась, что после встречи с Роаном моя решимость может пошатнуться.

Написание письма на десяток строчек превратилось в целую эпопею. Очень долго я не могла продвинуться дальше приветствия и обращения, а потом никак не могла сформулировать свою просьбу.

Какого тона мне придерживаться? Дать ли понять, что мне его предложение как петля вокруг шеи? Или же писать дружелюбно, чтобы не вызвать подозрений? Будить в женихе подозрения не хотелось, но и вводить его в заблуждение, изображая радость, тоже.

Смяв и отбросив в сторону очередной листок, я закрыла лицо руками и застонала в голос. С чего я вообще взяла, что смогу обмануть верховного жреца? Взрослого мужчину, который понимает в интригах гораздо больше, чем я?

Об этом редко говорили вслух и никогда не заявляли официально, но все знали, что несколько лет он был королевским убийцей. Король посылал его к тем, кого хотел покарать, но кого не мог достать законным и открытым способом. Фолкнор не оставлял следов, никто так и не сумел обвинить его ни в одном преступлении. Даже стражи порядка соседних государств. Просто в до-